

21 декабря исполняется 70 лет со дня рождения Всеволода Вишневского, автора «Первой Конной», фильма «Мы из Кронштадта», «Оптимистической трагедии» и других произведений, вошедших в золотой фонд советской литературы.

Комиссия по литературному наследию Вс. Вишневского опубликовала один и готовит к изданию второй сборник воспоминаний о нем (составитель Г. В. Кормушина). В числе авторов книги — актриса А. Г. Коонен, писательница Ольга Берггольц и другие. По просьбе «Недели» А. Г. Коонен и О. Ф. Берггольц рассказали о встречах с Вс. Вишневским, предварив этим публикацию адресованных им писем.

АЛИСА КООНЕН: Личное знакомство мое и А. Я. Таирова с Всеволодом Витальевичем — тогда уже известным драматургом — произошло случайно, на одном из совещаний, посвященных работе Камерного театра, но оно сразу же переросло в большую творческую дружбу. Нас сблизила и объединила работа над «Оптимистической трагедией».

Коротко — при всем желании — невозможно сказать о замечательных личных качествах, огромном таланте, постоянном творческом горении, обаянии и чуткости Всеволода Вишневского. Думаю, что воспоминания близких ему людей, публикация его обширного эпистолярного наследия помогут полнее воссоздать его образ.

Что касается писем, их Всеволод Вишневский писал много и многим. У него была органическая потребность излагать на бумаге рождающуюся мысль, — немедленно, тут же фиксировать свою реакцию на все происходившее.

Из большого числа его писем, и по сей день сохранивших интерес и актуальность, я хочу познакомить читателей «Недели» с последним, которое я от него получила. Оно написано им, — уже неизлечимо больным, — незадолго до смерти, но хранит ясность его мысли, его оптимизм и волю к жизни.

«Алисок, привет!

Лежу, раздумываю, читаю... Болезнь услужливо помогает думать, — чего мы часто лишены. Вспомнил твою артистическую уборную. Портреты... — Старый Шоу... — Он недавно беседовал с советскими людьми. — «Я, приглашая, не могу дать вам транспорта. Я не могу вас накормить у себя. Единственное, что я могу: показать вам старую обезьяну, то есть самого себя»... Старик беседовал около часа. — Он считает, что старый мир безнадежно надломлен. Он говорил о своих надеждах на СССР. — Он почти ничего не читает, он где-то ВНЕ современной английской литературы.

Англия в удручающем кризисе. Литературные журналы «Горизонт» и пр. пишут о слабеющей расе, которая плохо одета, плохо питается, живет в нездоровом климате...

Даже относительно активный Пристли пишет в посл[еднем] романе «Светлый

КОГДА ВСЕ ПРАВДА

Вспоминая Всеволода Вишневского

день» о том, что жизнь 30 лет тому назад, то есть Англия 1917 года, Англия Ллойд-Джорджа, Англия начала интервенции против России... — была «золотым прошлым» (?).

Настоящее Пристли характеризует так: «бесстыдное время».

Литературные журналы Англии пишут: «Мы довели себя до состояния весьма похожего на фашизм, — а его мы намеревались убить»... — там пусто, скучно, бесперспективно...

Далее... Я смотрю на фото О'Нейля, на фото обещавшего американца. — Он после многих лет молчания дал «Продавца льда». Алкоголь разлит по всей пьесе, по всему спектаклю, — который, конечно, поставлен на Бродвее. Грязь, предательство, злоба, тоска. Прошлое погибло. Будущего нет. Странный и больной вариант пьесы Горького «На дне»... — своеобразный переключик.

— У вас-де там были надежды, — а вот спустя 45—46 лет у нас...

Мои размышления, как ты заметила, не из веселых. И я не стану их развивать, продолжать.

Но мне приятно, что Александр* сказал: «Она оптимистка... Больше, чем мы». Если это так, я очень рад, ибо и у меня через — и вопреки чудовищным награ-

* А. Я. Таиров.

ждениям мрака и зла (подарки 1941—46 гг.: блокада, Европа, Нюрнберг и некие иные вещи), — всегда с неодолимым упорством возникает надежда, возникает свет, новая энергия. Пусть полагают, что человек трагически одинок, обречен, непостижим ни для одного другого существа, полон космического страха, неустойчивости, зыбкости и пр. — надо идти вперед!

Мой привет!

Всеволод.

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ: Мне уже случалось писать о Всеволоде Вишневском, и я могу только еще раз повторить, что была счастлива выступить одновременно с ним в годы блокады в Ленинграде, в воинских частях, на предприятиях, на радио... Ни я, и никто из живших тогда в нашем городе никогда не сможем забыть его страстных, от души к душе идущих речей.

Стихийей Всеволода Вишневского был разговор «митинговый», в полный голос. Почти полностью сохранилась, к счастью, запись его знаменитой речи в трагические дни, когда враг подходил к Москве:

«Москва! Мы, ленинградцы, балтийцы, плечом к плечу с тобой, родная Белокаменная! Ты, Москва, ходила во многие бои, твой голос слушает весь мир; твои труды и праздники — откро-

вение и завтрашняя перспектива человечества... Москва, двигай сейчас, не медля, все живое, боевое, честное — в бой... Никаких сбоев, никакой дрожи, никаких срывов... Умиряющие балтийские матросы могут показать пример... И в преддверии смерти эти люди могли видеть и видели победу. Грядущую победу. Она придет! Она за змийными выгами, она там, дальше!..»

Это — призыв и пророчество. Полностью сбывшееся!

Вот одно из его писем:

О. БЕРГГОЛЬЦ

Ленинград 26.VII-42.

Привет, Ольга!

Прочел в «Лен. Правде» Вашу поэму. Очень хорошо, очень сильно... Это уже за рамками обычной поэзии... Здесь есть ИСПОВЕДНОЕ, сокровенное... То, без чего так сохла наша литература, оглядная, схематичная (в значит. доле...). Литература — только тогда, когда все правда, все кричит, все откровенно (в высшей форме — ОТКРОВЕНИЕ)... Без этого — чистописанье, комментарии... Жаль, что не слышал я эту поэму в Вашем чтении... Но это можно ведь поправить... Прочтите балт. писателям, балт. аудитории. — Устроим...

Жму руку Вс. Вишневский.

Для меня в ту пору (да и несколько позже), когда кое-кто упрекал меня чуть ли не в «пессимизме», это маленькое письмо Всеволода Вишневского было большим, дорогим и нужным.

Взял интервью Г. КОФМАН.

НА СНИМКЕ: Всеволод Вишневский с политработниками на Карельском перешейке в декабре 1941 года.